

Мясницкий Иван Ильич

Гостинодворцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Гостинодворцы / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 576 с.

ISBN 978-5-519-98447-8

ISBN 978-5-519-98447-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О т ц ы.

I.

Въ одинъ изъ чудныхъ майскихъ дней, часовъ въ одиннадцать утра, къ Старому Гостиному двору, на Варваркѣ, подкатилъ вороной рысакъ, запряженный въ дрожки. Бородатый кучеръ, въ надвинутой на глаза хребтовой шляпѣ и новенькомъ армякѣ темносиняго сукна съ серебряными пуговицами, ловко осадилъ рысака у одной изъ арокъ галлерей и повернулъ голову въ ожиданіи приказаній хозяина. Изъ дрожекъ, слегка придерживаясь за яркій кушакъ кучера, вышелъ высокій плотный купецъ съ легкою просѣдью въ волнистой бородѣ, сказалъ нѣсколько словъ кучеру и, взойдя по ступенькамъ на галлерею, снялъ высокій цилиндръ и наконецъ сталъ креститься на церковь Варвары мученицы. Въ галлереѣ Гостиного двора кипѣла жизнь: сновали взадъ и впередъ разношители, выкрикивая нараспѣвъ названія своихъ товаровъ, шли артельщики съ товарами своихъ хозяевъ, придерживая ихъ лямками на спинѣ, бѣжали мальчишки съ чайниками за кипяткомъ въ водогрѣйную, находившуюся въ то время, — въ шестидесятыхъ годахъ, — подъ церковью Варвары мученицы, проходили купцы, раскланиваясь съ сидѣвшими на галлереѣ знакомыми и справляясь на ходу объ ихъ здоровьѣ; у дверей амбаровъ стояли артельщики и глазѣли на улицу, по которой тянулись ломовики, нагруженные всевозможными товарами, и стрѣлой пролетали купцы, выѣзжавшіе въ городъ изъ своихъ домовъ, разбросанныхъ по всему благословенному Замоскворѣчью. Только что пріѣхав-

шій купецъ прошелъ по галлерей, завернулъ въ Хрустальный переулокъ и остановился у прибитой надъ дверями амбара вывѣской, на которой золотыми буквами по синему фону было написано: «Аѳанасій Ивановичъ Аршиновъ». Помолвившись на рядскую икону и едва кивнувъ головой на поклонъ вытянувшася у дверей артельщика, онъ вошелъ въ амбаръ. Амбаръ представлялъ изъ себя узкую и длинную комнату, выходившую внутрь двора и раздѣленную на двѣ половины. Въ первой стояли двѣ конторки, нѣсколько лавокъ и полокъ съ образцами товара; вторая половина служила складомъ, гдѣ съ утра до вечера шла упаковка товара. Около двери, раздѣлявшей амбаръ на двѣ половины, начиналась лѣстница въ «палатку» съ одинокимъ окномъ «аркой», выходившимъ на галлерей. Въ амбарѣ были двое: приземистый и пузатенькій человѣчекъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, и молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, сильно напоминавшій чертами лица вошедшаго бородача.

— Самъ!—быстро проговорилъ пузатенькій человѣчекъ и торопливо схватилъ кусокъ товара. Молодой человѣкъ лѣниво поднималъ отъ конторки свою красивую кудрявую голову съ темносиними глазами и посмотрѣлъ на вошедшаго. Легкая складка легла у него между изящно очерченными бровями и что-то непріязненное мелькнуло во взглядѣ, брошенномъ имъ на отца. Онъ еще ниже нагнулся надъ конторкой и нервно схватился за перо.

«Самъ» молча помолился на икону, висѣвшую надъ конторкой, поклонился пузатенькому человѣчку и, едва взглянувъ на молодого человѣка, сталъ подниматься по лѣстницѣ кверху. На половинѣ лѣстницы онъ остановился и забарабанилъ пальцами по поручнямъ.

Пузатенькій человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на «самого».

— Кто былъ?—спросилъ самъ, сдвигая цилиндръ на затылокъ.

— Да кто же-съ, Аѳанасій Ивановичъ,—задумался тотъ на секунду, — да-съ, Шугаевъ былъ. Спрашивалъ объ вашемъ здоровьѣ-съ... Телушкину пятьдесятъ кипъ товара продали, половина на наличныя, половина къ Крещенской ярмаркѣ-съ.

Самъ кивнулъ головой и устоялся въ кудрявый затылокъ сына.

— Сергѣй, ты что пишешь? — угрюмо спросилъ самъ.

— Счета Макушеву, папаша! — отвѣтилъ тотъ, не поворачивая головы.

— До сихъ поръ написать не могъ! Я думаю, за тобой дѣла то не бознать сколько. Учили, учили тебя, дурака, и ничему хорошему не выучили.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ. Перо задрожало у него въ рукѣ и проѣхало по счету. Онъ стиснулъ зубы и разорвалъ испорченный счетъ на мелкіе лоскутки.

Аршиновъ усмѣхнулся въ бороду и совершенно спокойно спросилъ у пузатенькаго человѣка:

— Новаго чего, Иванъ Васильевичъ, не слыхалъ-ли?

— Ничего-съ, Аѳанасій Иванычъ, какъ есть ничего-съ. Впрочемъ-съ, Веретенкинъ у Островецкаго пару лошадей за три тысячи купилъ-съ.

— Хороши?

— Сказываютъ, что очень великолѣпны. Хрѣновскаго заводу-съ.

— Гм... а гдѣ же Андрей?

— Андрей Аѳанасычъ у Митягова съ Шугаевымъ чай пьютъ-съ.

— А Иванъ?

— Иванъ Аѳанасычъ въ Троицкій завтракать пошли-съ.

— Когда придетъ, позови его ко мнѣ.

— Безпремѣнно-съ.

Аршиновъ постоялъ съ минуту молча и, глубоко вздохнувъ, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

* * *

Аѳанасій Ивановичъ Аршиновъ происходилъ изъ стариннаго купческаго рода. Его прапрадѣдъ Иванъ Савельичъ пришелъ въ Москву въ лаптяхъ и поступилъ на фабрику въ сновальщики. Спустя двадцать лѣтъ, у него уже была своя фабрика, которая къ концу пятидесятихъ годовъ разрослась въ громадную фабрику съ миллионнымъ оборотомъ. Какъ купецъ, Аѳанасій Ивановичъ пользовался уваженіемъ и неограниченнымъ довѣріемъ, хотя въ кредитъ нуждался очень рѣдко и кредитовался, въ силу унаслѣдованныхъ традицій, неохотно. Торговля дѣла у него, благодаря его здоровому, практическому уму, шли блестяще. Какъ настоящій русскій купецъ, надѣленный отъ природы сметкой, онъ смотрѣлъ всегда въ «корень» дѣла, не давая воли фантазіи и

накладывая veto на «спекуляціи», часто предлагаемыя его старшимъ сыномъ Андреемъ.

Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ достоинства и недостатки купца стараго закала, стараго завѣта. Свою купеческую честь онъ ставилъ выше всего. Самъ щепетильный до мелочей въ расчетахъ, онъ требовалъ того же и отъ своихъ покупателей. Человѣкъ, позволившій себѣ отступить, хотя бы на іоту, отъ правилъ «купеческой чести»; въ его глазахъ переставалъ быть купцомъ.

— Торгашъ и прощальга! — говорилъ онъ о такомъ и тутъ же приказывалъ вычеркнуть «прощальгу» изъ его книгъ навсегда. Скупой, больше по купеческой привычкѣ, онъ не гонялся за большою наживой. Грошъ, да мой! — За большимъ погонисься и послѣднее потеряешь! — Всѣхъ денегъ не оберешь! — были его любимыми поговорками. И въ дѣлѣ, и въ семейной жизни онъ держался однихъ и тѣхъ же принциповъ. Его характеръ былъ смѣсью упрямаго самодурства и добродушія, черстватаго эгоизма и высокихъ порывовъ великодушія. Не получивъ никакого образованія, едва выучившись подписывать свою фамилію, онъ презиралъ образованныхъ, которые всѣ слыли у него подъ кличкой «ученыхъ», и доказывалъ, что образованный купецъ въ лавкѣ не жилецъ, а только постоялецъ.

— Все одно, что для соловья клѣтка, то для образованнаго лавка. Позабудь, попробуй, запереть дверку — улетитъ!

Благодаря такому взгляду на «ученость», онъ своихъ сыновей дальше приходскаго училища не пускалъ.

— Писать, читать выучился, арихметику знаетъ, на счетахъ класть умѣетъ — какого ему еще рожна послѣ этого? Для лавки и этого достаточно!...

Правда, младшаго сына, уступая новымъ вѣяніямъ, онъ отдалъ было учиться въ Коммерческое училище, да и того взялъ изъ четвертаго класса и постоянно корилъ его ученостью.

Женился онъ, когда ему было двадцать четыре года, такъ же просто, какъ женились его дѣды и прадѣды.

Въ одинъ прекрасный вечеръ покойный отецъ Аѳанасія Ивановича приказалъ Аѳонѣ надѣть новый сюртукъ и повезъ его къ торговавшему въ то время богатому москательщику Антропову, у котораго послѣдняя изъ семи дочерей,

Арина Петровна, благодаря небольшому росту и некрасивому лицу, позасидѣлась въ дѣвкахъ.

Пока Аеоня болталъ съ Ариной Петровной о погодѣ, отецъ его за бутылкой лпссабонскаго успѣлъ «стороваться» съ Антроповымъ. Старики вышли изъ кабинета, гдѣ происходила купля и продажа, посмотрѣли, улыбаясь, на Аеанасія Ивановича съ Ариной Петровной и приказали подать донскаго.

И не справились даже ни у того, ни у другаго, нравятся ли они другъ другу: такихъ церемоній и галантностей старики не признавали и считали за лишніе только разговоры.

И ни Аеанасій Ивановичъ, ни Арина Петровна не считали возможнымъ протестовать. Отцы рѣшили—значить такъ и быть должно. За отцами столько разныхъ правъ, что перечить имъ—значить возставать противъ режима родительской власти, не терпящей никакихъ возраженій и кладущей свое эгоистичное veto на мысли и желанія всѣхъ, кто только такъ или иначе находится у нихъ въ подчиненіи и зависимости.

— Что-жъ, если тятенька рѣшилъ, значить хорошо!—подумалъ Аеанасій Ивановичъ и съ совершенно покойнымъ сердцемъ тоекратно облобызалъ свою будущую подругу, которую онъ видѣлъ только въ первый разъ въ жизни.

Странно началась ихъ семейная жизнь. Не говоря уже о любви, о которой у нихъ и не могло быть рѣчи, они совершенно не понимали другъ друга, и каждый жилъ своими интересами... Сходились они вечеромъ и разставались утромъ, не зная, что сказать другъ другу. Онъ отправлялся на фабрику, а она — къ свекрови, съ которой и проводила цѣлые дни, принимая разношерстную банду разныхъ проходимцевъ, подъ видомъ странниковъ и странницъ, и слушая ихъ разглагольствія о странахъ и чудесахъ, ими видѣнныхъ.

Аеанасій Ивановичъ смотрѣлъ на жену, какъ на «бабу», которую ему далъ родитель только потому, что «не подobaетъ челоуѣку быти единому», а Арина Петровна—глядѣла на мужа, какъ на владыку и властелина, котораго даже и апостолъ велить почитать и бояться.

Арина Петровна отъ природы была очень неглупая женщина, но умъ ея, благодаря замкнутой жизни и домостроительнымъ порядкамъ, царившимъ въ Замоскворѣцкомъ купечествѣ, былъ направленъ исключительно на мелкіе домашніе

интересы, составлявшіе всю цѣль жизни русской женщины до-реформенной Руси.

Родился сынъ. Немудрено, что сердце Арины Петровны, не согрѣтое горячею лаской мужа, всю свою любовь, всѣ порывы подавленного чувства перенесло на маленькое существо и наполнилось безпредѣльнымъ счастьемъ.

Аѳанасій Ивановичъ къ появленію сына отнесся, наружно, по крайней мѣрѣ, довольно равнодушно.

Когда Арина Петровна, еще слабая отъ перенесенныхъ ею нечеловѣческихъ мукъ, но съ счастливою улыбкой, свѣтившеюся въ ея кроткихъ глазахъ, развернула плотнаго и краснаго, какъ вареный ракъ, мальчугана, Аѳанасій Ивановичъ, только что вошедшій въ спальню жены «поздравить» ее, покосился на сына и сдвинулъ брови.

— Сынъ?—спросилъ онъ, смотря въ уголь.

— Сынъ, Аѳанасій Ивановичъ!—отвѣтила Арина Петровна, съ гордостью глядя на мужа.

— Это хорошо... для фирмы! — проговорилъ онъ и тотчасъ же обратилъ вниманіе жены на паутину, висѣвшую въ углу.

За первымъ сыномъ, спустя три года, явился второй, а за нимъ, черезъ такой же промежутокъ, и третій. Дѣти росли, бѣгали въ приходскую школу и затѣмъ поступали въ лавку. Арина Петровна изливала на нихъ всю свою материнскую нѣжность и не замѣтила, какъ состарилась, дѣля съ своими ненаглядными сыночками и радость, и горе.

Любимцемъ отца былъ старшій, Андрей, точная копія съ Аѳанасія Ивановича, сухой, суровый, но душой и тѣломъ преданный дѣлу, за которымъ онъ, какъ выражался самъ Аѳанасій Ивановичъ, издыхалъ, какъ собака. Аршиновъ гордился имъ и, гдѣ только могъ, нахваливалъ сына.

— У меня Андрей—золото!—говорилъ онъ, самодовольно поглаживая бороду,—захочетъ—на горѣ грязь сдѣлаетъ!

Женилъ его Аѳанасій Ивановичъ рано; Андрею не было еще и двадцати лѣтъ, какъ отецъ повезъ его смотрѣть дочь фабриканта Неплюева; свадьбу сыграли въ двѣ недѣли. Агнія Васильевна оказалась кроткой и любящей женой. Она всей душой привязалась къ Андрею и, несмотря на его сухость, была увѣрена, что Андрей любитъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ. Сильно печалило и ее, и старика Аршинова одно обстоятельство: у Андрея не было дѣтей. Это обстоятельство

заставляло бездѣтную молодую женщину ежегодно по нѣскольку разъ ѣздить на разные богомолья, на которыя изрѣдка сопровождалъ жену и Андрей.

Второй сынъ Аршинова, Иванъ, былъ, что называется, ни рыба, ни мясо. И къ дѣлу особенно не прилежалъ и отъ дѣла не бѣгалъ... Ко всему относился онъ флегматично, хотя и бывали моменты, когда его, что называется, «прорывало». Иванъ закучивалъ, пропадалъ дня на три, на четыре, затѣмъ являлся, какъ ни въ чемъ не бывало, прямо въ лавку и принималъ въ палаткѣ ужасную трепку отъ отца.

Послѣ «внушенія» онъ неторопливо сходилъ внизъ и, поправляя прическу и костюмъ, совершенно спокойнымъ тономъ спрашивалъ у младшаго брата Сергѣя:

— Что новаго въ газетахъ пишутъ, Сергѣй?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ тотъ.

— И Катковъ ничего?

— И Катковъ ничего.

— Такъ-съ... Дай-ка «меморіаль». Калинкину продали.. Васютину тоже... Хорошо-съ!... Значить, я въ Лопашевъ ушелъ... слышишь ты, ученый?

Тѣмъ и кончалось до слѣдующаго «прорыва». Такіе «прорывы», разумѣется, сильно не нравились Аѳанасію Ивановичу, жившему по строгимъ традиціямъ отцовъ и дѣдовъ, а онъ спалъ и видѣлъ, какъ бы только женить Ивана.

Младшій, Сергѣй, былъ рѣзкимъ контрастомъ своихъ братьевъ. Чрезвычайно подвижной, привѣтливый и деликатный со всѣми, онъ обладалъ удивительно доброю душой и любящимъ сердцемъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ книгѣ и плакалъ, какъ ребенокъ, когда его отецъ взялъ изъ школы. Его любознательный умъ жаждалъ знанія и свѣта, онъ мечталъ совсѣмъ не о той дорогѣ, которая вела изъ Замоскворѣчья на Варварку, но суровое veto отца сразу порвало всѣ его порывы и мечты.

Онъ боготворилъ свою мать и боялся отца.

Будучи еще ребенкомъ, онъ уже не любилъ его, инстинктивно возмущаясь его деспотическимъ отношеніемъ ко всей семьѣ; съ того же самаго дня, какъ отецъ посадилъ его за конторку въ лавкѣ, онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его родилось новое непріязненное чувство къ тому, кто разрушилъ его планы и надежды.

Братьевъ своихъ онъ цѣнилъ по «достоинству», а тѣ платили ему той же монетой, пользуясь всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобъ показать ему свое превосходство.

Среди родныхъ такимъ образомъ Сергѣй чувствовалъ себя одинокимъ, и еслибъ не мать, которой онъ повѣрялъ свое горе и радости, да не книга, которой отдавалъ всѣ свободныя минуты, — онъ сдѣлался бы или пьяницей, какъ его братъ Иванъ, или такимъ сухаремъ, какъ братъ Андрей.

— А что же Иванъ, пришелъ или нѣтъ? крикнулъ изъ палатки Аѳанасій Ивановичъ, хлопая на счетахъ.

— Нѣтъ еще, папаша! — отвѣтилъ Сергѣй, отрываясь отъ конторки.

— Что онъ тамъ застрялъ... съ кѣмъ онъ ушелъ-то?

— Съ Петромъ Ѳеодорычемъ.

— Ну, вотъ... хорошая компанія... и отецъ жуликъ, и сынъ мотыга... пошли за нимъ артельщика.

Старшій прикащикъ мотнулъ головой артельщику, и тотъ, сорвавшись съ мѣста, моментально скрылся на дворъ.

— Сергѣй! — раздался снова голосъ Аѳанасія Ивановича.

— Сейчасъ, папаша...

Сергѣй положилъ перо, отодвинулъ табуретъ и вихремъ взлетѣлъ на лѣстницу.

Въ палаткѣ за простымъ столомъ, придвинутымъ къ самому окну, сидѣлъ Аѳанасій Ивановичъ въ очкахъ и прокладывалъ на счетахъ цифры.

— Завтра отправишься на фабрику... слышишь? — проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Хорошо.

Фабрика Аршинова находилась подъ Москвой и управлялась, какъ и большинство фабрикъ, директоромъ англичаниномъ. Старикъ Аршиновъ наѣзжалъ туда разъ въ недѣлю, а иногда посылалъ и сыновей.

— Захватишь деньги и передашь ихъ Джемсу Иванычу для расплаты съ рабочими.

— Хорошо.

— Да не потеряй, смотри... денегъ слишкомъ тридцать тысячъ.

— Не въ первый разъ возить...

— Знаю, что не въ первый, да голова то у тебя не дѣломъ бываетъ забита... начнешь читать газеты и проворонишь сумгу.

— Я въ дорогѣ никогда не читаю, папаша.

— И хорошо дѣлаешь. Въ твоёмъ чтеніи проку мало: купецъ долженъ дѣломъ заниматься, а не книжками. И безъ тебя ученыхъ то по Москвѣ сотни безъ сапогъ шатаются.

— Больше ничего не прикажете?— сдѣлалъ движеніе Сергѣй.

— Ничего. Кланяйся Джемсу Ивановичу и скажи, что я на-дняхъ самъ пріѣду... и завтра я бы поѣхалъ, да дѣло есть... ступай.

На лѣстницѣ раздались торопливые шаги, и въ палатку вошелъ Иванъ, высокій, крѣпко сложенный блондинъ съ пухлыми щеками и небольшою бородкой, безпорядочно торчавшею въ разные стороны.

Онъ окинулъ равнодушнымъ взглядомъ брата и нагнулся надъ плечомъ отца.

— Присылали за мной? — вопросительно уставился онъ на старика.

— Посылалъ. Садись. Сергѣй, ступай внизъ!

Сергѣй спустился въ лавку и засѣлъ за свою конторку. Къ нему, озираясь во всѣ стороны, подошелъ старшій прикащикъ и проговорилъ шепотомъ:

— Слышали новость, Сергѣй Аѳанасичъ? Аѳанасій Ивановичъ Ивана Аѳанасевича женить хотятъ.

— Не слыхалъ, да это меня мало и интересуешь, по правдѣ сказать.

— Какъ же не интересоваться, помилуйте, вѣдь брата родного женять... на свадьбѣ попируемъ.

— А на комъ, не слыхали?

— Не слыхалъ... сами, чай, знаете, что Аѳанасій Ивановичъ не любитъ разглагольствовать... кончать совсѣмъ дѣло, въ тѣ поры и объявлять... кажется, сходятъ.

Прикащикъ отскочилъ отъ Сергѣя и схватился за первый попавшійся подъ руку кусокъ товара.

Сверху сошелъ Иванъ, посмотрѣлъ на прикащика и отдалъ ему какое-то приказаніе.

Прикащикъ скрылся въ заднюю половину лавки, гдѣ раздавались голоса артельщиковъ, паковавшихъ товаръ.

— Сергѣй! — подошелъ Иванъ къ брату, — ты, кажется, друженъ съ молодымъ Алѣевымъ.

— Бываю иногда, — потупился тотъ, — а что?

— Сестру его... видалъ?

— Липу? Да... тебя она интересуешь?

— Да я ея и не видалъ никогда... Завтра ѣду съ отцомъ смотрѣть ея.

Табуретка полетѣла съ громомъ въ уголъ. Сергѣй вытянулся и блѣдный, какъ смерть, двинулся къ брату.

— Не смѣй!—задыхаясь, крикнулъ онъ, сжимая кулаки.— Слышишь, Иванъ, не смѣй!

Иванъ невольно попятился назадъ и наткнулся на вошедшаго купца съ длинною сѣдою бородой.

II.

Купецъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на братьевъ и приподнялъ шляпу.

— Ивану Аванасъичу почтеніе!.. Сергѣю Аванасъичу низжайшее!—проговорилъ онъ, сладко улыбаясь.

— Вы къ папашѣ? — спросилъ его Иванъ, приходя въ себя и пожимая старику протянутую руку.— Пожалуйте въ палатку...

Купецъ приподнялъ еще разъ шляпу и неторопливо, все съ тою же сладенькою улыбочкой сталъ подниматься по лѣстницѣ въ палатку.

— Да ты что же это, Сергѣй... ошалѣлъ?—сдвинулъ брови Иванъ, становясь за конторку.

— Не смѣй ѣздить къ Алѣевымъ, — подступилъ снова Сергѣй къ брату,—не смѣй!

— Вотъ какъ!—Странные нонче порядки пошли: младшіе братья начинаютъ старшими командовать... вотъ оно что значить ученіе! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Кого же мнѣ слушать: тебя или отца?

— Меня...

— Скажи пожалуйста!

— Меня. Я люблю Липу... слышишь, Иванъ? Люблю, безумно люблю и никому ея не отдамъ.

Иванъ отъ такого неожиданнаго признанія широко раскрылъ глаза и съ удивленіемъ уставился на брата.

— Понимаемъ-съ,—проговорилъ онъ, наконецъ, и скверная улыбка искривила его пухлыя, румяныя губы: — понимаемъ-съ... романъ-съ, значить, завели... Ужасно это для меня чувствительно... То-то мнѣ удивительно, что это нашъ